

Лунный курьер.

Научно-фантастический рассказ. (Перев. с англ.)

Дж. Шлосселя.

Укладывая свои вещи перед отъездом в двухнедельный отпуск, я всего меньше думал о путешествии в межпланетном пространстве. Мысленно я уже переносился к родным, радовался предстоящей встрече с ними и с моим другом Эмилем Петерсом, который, как я слышал, прибавил недавно еще одно изобретение к списку своих достижений. Но если бы ктонибудь сказал мне, что я вскоре увижу огромные пещеры и лабиринты, которыми изрыта поверхность луны, я считал бы его сумасшедшим. Живя в громадном городе, и так в сущности не видящего ничего, кроме пещер из камня и стали, да туннелей электрического метрополитена.

Каждый год я стараюсь воспользоваться отпуском в начале августа с тем, чтобы в первую субботу этого месяца быть среди своих. Меня так и привыкли встречать в этот день на станции. Но на этот раз я задержался и пришлось послать родным телеграмму, чтобы не ждали меня раньше следующего утра.

В воскресенье утром поезд, спускаясь под извилистый уклон черепашьим шагом, подходил к станции.

Брат уже поджидал меня в автомобиле. Миновав единственную улицу городка, мы понеслись по шоссе. Куда ни помотришь, блестящие капли воды, стояли лужи, колосья на полях лежали как скошенные. Я заметил на вершине холма несколько вывороченных с корнем деревьев.

— Страшная буря пронеслась здесь ночью, — сказал брат. — А длилась всего несколько минут. Хляби небесные, как говорится, растворились и залили все. Я никогда не видал ничего подобного. Мама перепугалась, думала, что наш дом обрушится. Хорошо, что он стоит в котловине. А в высоких местах снесло несколько амбаров. Даже трехэтажная кирпичная постройка, где у Эмиля была новая лаборатория, совершенно превращена в развалины.

Я невольно стиснул брата за локоть.

— Он не убит? — спросил я с замираньем сердца.

— Нет. Он в последние месяцы и не заглядывал туда. Ему всегда больше нравилась старая его мастерская. В лаборатории ночью, я думаю, не было ни

ни. Те десять механиков, которых Эмиль держал для своих работ, недели три назад получили расчет.

— Значит, все благополучно?

— Да. Кстати, чуть не забыл. Эмиль еще вчера звонил по телефону и просил тебя зайти к нему сразу по приезде.

* * *

„Из-за чего такая спешка?“—спрашивал я себя, перелезая через проволочную изгородь, отделявшую ферму Петерсов от нашей.

Имя Эмиля Петерса вы, вероятно, не успели забыть, так как этот „безногий ученый“, не покидавший своего колесного кресла, приобрел себе славу и богатство своими открытиями в области радиотехники.

Он жил один со своим старым слугой Олафом в доме, доставшемся ему от отца. Старик служил ему с исключительной преданностью. У Эмиля была парализована нижняя часть тела, начиная от поясицы, и Олаф считал себя виноватым: когда Эмилю было лет десять, Олаф, без разрешения его отца, повел его в цирк где показывали прыжок с аэростата на парашюте. На другой день Эмиль попытался повторить этот опыт при помощи зонтика и прыгнул с крыши высокого амбара.

Раньше, чем я позвонил, Олаф успел отворить мне дверь. Он кивнул головой в конец комнаты, где сидел за каким то странным прибором Эмиль, и приложил палец к губам. Я вошел на цыпочках. Эмиль поднял на меня глаза, повернул какие-то стрелки у градуированных шкал и подозвал меня ближе.

— Ты выглядишь прекрасно,—сказал я, пододвигая стул и садясь против него.

— А вот про тебя этого не скажу. Видно, деревенский воздух лучше.

— Какая жалость, что твоя лаборатория разрушилась.

Он посмотрел на меня загадочно.

— Ты хотел меня видеть? В чем дело?—спросил я.

— Я хотел повидаться с тобой перед отправлением на луну.

— Что!—я даже подскочил.—Полно, Эмиль, перестань шутить.

— Я и не думаю шутить. В наш век все возможно. Идеи, как и пределы вероятного, постоянно изменяются соответственно духу дня. То, что вчера казалось невозможной истиной, сегодня вызывает чуть ли не презрительную усмешку.

— Попробуй что-нибудь другое, только не это. Представляешь ли ты себе все лишения, ожидающие тебя? Самые смелые арктические исследователи, люди, которые приучили себя к самым тяжелым физическим испытаниям, люди, облаченные стальными мускулами и непреклонной волей и те не отважились бы на такое страшное по своей дальности путешествие. На что же можешь рассчитывать ты? Ведь ты без посторонней помощи не можешь двинуться с места—и это уже чуть не двадцать лет!

Беспомощная фигура вдруг выпрямилась. Голова откинулась назад. Эмиль захохотал. Он хохотал безудержно, до слез. В чем дело? Уж не вздумал ли он что-то мною подшутить?

Наконец он справился с своим приступом смеха и, задыхаясь, проговорил:

— Именно так, дружище. Как это ты сумел попасть в самую точку? *Воля стальные мускулы*—все что нужно. Если бы ты не перебивал меня, я разъяснил тебе все по порядку. Слушай же.

— Иногда я, подкатив свое кресло к окну, просиживал целые ночи, смотрел эти мерцающие световые точки и все думал, думал, пока голова не наливалась инцом... Думал о том, как найти дорогу. Желание проникнуть в это пространство превратилось в сжигающую меня страсть. Не правда ли смешно, что я, калека, мечтал о преодолении громадных расстояний мирового океана?

„Ты легко представишь себе, друг, как ревностно я копался в книгах, в журналах, в брошюрах, ища ключа к моей загадке. Однако, меня всегда ждало острое разочарование, и все, что я находил, казалось, подчеркивало полную безнадежность моей мечты.

„Ведь если бы даже удалось построить двигающийся прибор, способный покинуть пределы земной атмосферы, то представились бы непреодолимые трудности из-за искусственной тяжести, возникающей внутри него при отлете с земли.

„Покинуть земные пределы и устремиться к какому-нибудь другому небесному телу нашей планетной системы можно только при начальной скорости не меньше 11 км в секунду, то-есть в восемьдесят четыре раза превышающей рекорд скорости, достигнутой человеком. Но что же станет с человеком на межпланетном корабле, оторвавшемся от земли со скоростью 700 километров в минуту?

Он вопросительно посмотрел на меня. Я не знал, что отвечать.

— Вычислено,—продолжал он:— что ускорение подействовало бы на пассажира межпланетного корабля приблизительно так же, как если бы на него свалился груз в пятьдесят тонн. Человек превратился бы в кровавое месиво.

„Итак, вот исход моих надежд, моих мечтаний! Горечь разочарования— и больше ничего! Мне уже мерещился другой путь, искушавший меня как зияющая бездна. Я готов был сдаться, пасть, не сопротивляясь отчаянию, пойти стезею смерти!

— Что ты, Эмиль!

— Да, я готов был признать себя побежденным. Яд казался мне наилучшим выходом. Потом я подумал и о тебе, дружище. Мне не хотелось, чтобы ты счел меня трусом. Хотел послать тебе письмо. Но на бумаге слова так безжизненны, бесцветны...

„И вот, безо всякого перехода, решение задачи вдруг сверкнуло передо мной точно молния. Луну можно посетить без малейшей опасности. Нужна *воля*, нужны *мускулы и нервы из стали*. Послать гонца на луну!

„Огромные успехи науки, в особенности в области беспроволочной передачи электроэнергии, значительно упростили мою задачу. Я, будучи знаком с некоторыми тайнами радиотехники, мысленно видел уже несколько способов осуществления моей мечты.

„Не смыкая глаз, я просидел в ту ночь до утра. Я отдался заманчивым грезам об успехе, который стал казаться таким возможным. Все представлялось мне необыкновенно ясно и живо. Каждая мысль приходилась на своем месте и помогала воссоздавать целое, как кусочки, картинки-головоломки, из которых складывается рисунок.

„Прежде всего, в виду инвалидности моей физической оболочки, каков должен быть с виду этот мой гонец? Его надо сконструировать так, чтобы он мог перелезть любое препятствие. С первого момента я остановился на существах из мира насекомых: не там ли выбрать модель для моего гонца? Мне представился пауз— огромное металлическое чудовище, достигающее высоты тридцати или сорока футов на своих восьми ногах, две из которых заменяли бы ему руки. Но, поразмыслив, я решил, что такая форма слишком примитивна и несовершенна. Сотни различных форм могли быть использованы и приспособлены для моей задачи. Наконец, вспомнив, что мой гонец должен быть единственным представителем земли, я решил сделать его, по возможности, похожим на человека.

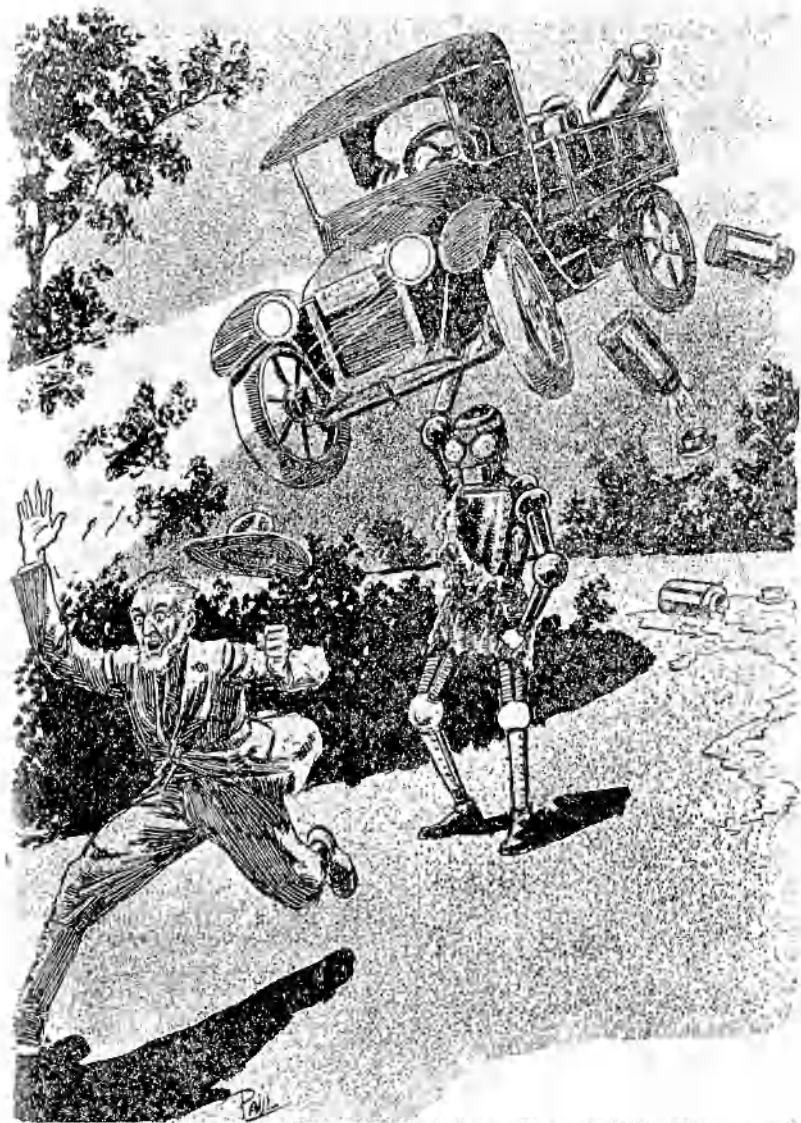
— Не клонится ли твой рассказ,—перебил я его недоверчиво:— к проекту какой-нибудь механической куклы, которую ты собираешься построить?

— Именно. Только не собираюсь построить—она уже готова.

— Ты?.. Ты успел ее сделать?

— Да. И горжусь ею. Это действительно—совершенство механической техники, достойный представитель Земли!

— Ну, и как же действует твой механический человек? Часто тебе приходится его заводить?

Существо подняло грузовик на вытянутой руке...

— Дружище, ты уморишь меня своими глупыми вопросами,—ответил Эмиль с тихой улыбкой.— Неужели ты думаешь, что я стал бы тратить жизнь на постройку заводной куклы? Нет, это не простой автомат, хоть и сделанный из металла: это мое *искусственное тело*, которое будет работать в полном единении с беспомощной оболочкой прикованной к этому колесному креслу. Это будет мой *заместитель* в физическом смысле. Я—его воля, он—мое тело.

Я слушал его, не помня себя от изумления.

— Новейшие идеи современной науки,—продолжал он:—использованы для его конструкции. Он движется и управляется по принципу беспроводной передачи энергии.

— Но ведь нынешнее радио в виде комбинаций приемника и вместе с передатчиком слишком громоздко, чтобы всю систему можно было поместить в фигуру не превышающую размеров человеческого тела.—вставил я свое возражение.

— Вовсе нет. Ты не видел, до какой компактности я довел аппарат. Мне удалось во много раз уменьшить размеры приемно-передаточной системы.

„Мой „заместитель“ благодаря радио одарен голосом и слухом. Дальнее зрение снабдило его зрением: я могу, сидя здесь за этим столом, видеть через его искусственные глаза. Радио-телемеханическое устройство, иначе говоря, беспроводное управление на расстоянии, сообщает движение его ногам и рукам и придает ему какую угодно позу. Он обладает всеми внешними чувствами тела из плоти и крови, за исключением обоняния и осязания, которые я счел излишними.

„Я попытался сделать его таким же сильным, как сильнейшее из земных существ, но после неоднократных неудач убедился, что это невозможно. Я был буквально ошеломлен новым для меня фактом: оказывается, что металл не может выдержать такого же напряжения как тело насекомого, если представить его пропорционально увеличенным до механического прибора, имеющего размеры человека. Я с чувством уважения смотрю теперь на муравья, который, по сравнению с своими размерами, является одним из самых сильных земных животных.

„В первый раз со времени несчастного случая я „встал на ноги“, начал „учиться ходить“. Первые недели я упражнял отдельные члены моего заместителя. Понемногу движения его делались менее угловатыми. С утра до вечера я тренировался во всевозможных телодвижениях от более простых до самых сложных. Как переписчик на машине постепенно подчиняет ее себе, так я, силой воли, постепенно и неуклонно подчинял себе эти механические мускулы.

„Сидя здесь перед стеклянным матовым экраном, этой приемной станцией моего телевидеоскопа, вооружившись парой наушников, имея против себя микрофон, управляя посредством клавиатуры усовершенствованным телом моего гонца, я смог осуществить невозможное—быть сразу в двух местах.

„Мне пришлось поупражняться месяца три, пока мой „заместитель“ усвоил достаточно естественную манеру двигаться и ходить. До вчерашнего вечера я не выпускал его за пределы моей фермы. Он производит впечатление существа, принадлежащего другому более мощному и жестокому миру. Ноги его сделаны из системы коротких стальных пружин, образующих для его тяжеловесного туловища эластичные как бы резиновые подпорки. Я часто заставлял его подпрыгивать с места на 10—12 метров поддерживая его равновесие посредством расположенного в его груди жироскопа; в полости живота у него находится самый мощный электромотор, какой мне удалось построить. Этот мотор получает энергию от моего беспроводного передатчика электросилы, находившегося до недавнего времени в третьем этаже той самой лаборатории, которая разрушилась прошлой ночью“

* * *

... Было уже несколько случаев нападения грабителей на некоторых дорогах в нашей местности. Человек среднего роста медленно шел по проселочной дороге недалеко от города. Он был очень широк в плечах, держался прямо, шел свободно.

Напевая низким голосом какой-то мотив, не глядя по сторонам, он шел вдоль дороги. Достаточно было взглянуть на него издали, чтобы почувствовать, что это человек колоссальных физических возможностей.

Подле замаскированного автомобиля стоял человек, пристально всматривался в странного прохожего и перекидывался отрывистыми замечаниями с шоффером

Тот хотя и умел в случае крайности развивать бешеную скорость,—когда надо было спастись во что бы то ни стало,—однако, был труслив как заяц; взглянув на беззаботно приближавшегося пешехода, он откинулся на спинку сиденья и принялся уговаривать своего компаньона задать стрелкача, пока не поздно.

Но товарищ шоффера был человеком иной складки; он презрительно усмехнулся, достал из потайной кобуры у себя под мышкой стальную штучку, прокрался шагов на двадцать вперед, прячась все время за живой изгородью, и остановился в ожидании.

Пешеход, продолжая напевать, остановился на дороге как раз против спрятавшегося налетчика.

— Ни с места!—крикнул бандит.

И налетчик шагнул к своей жертве... Вот с этого мгновения все и началось. Почему бандит стал стрелять—он и сам не знал. Из ствола автоматического пистолета вырвалась полоса огня, и тишина вечера прервалась выстрелами, которые так быстро следовали один за другим, что сливались в непрерывный треск.

Жертва издала крик, какой то бесконечный басистый вопль, который, быстро возвышаясь и проходя через все известные октавы, становился пронзительным как звук сирены. Он будоражил нервы. Потом он начал затихать, но не прекратился, а пропал в столь быстрых вибрациях, что человеческое ухо перестало их воспринимать.

Бандит издал раздирающий крик, чуть ли не похожий на крик этого чудовищного существа и, собрав последние силы, пустился бежать. Чувствуя за собою погоню, он обернулся и швырнул пистолет прямо в лицо своему преследователю. Тот поймал пистолет на лету—раздался треск ломаемой стали и взззз!—обломки автомата полетели над головой бандита со скоростью пули, едва не убив шоффера, и пронизали щит автомобиля.

Бандит, до этого дня не знавший страха, потерял сознание в тот момент, когда железная рука поймала его сзади за платье и подняла на воздух.

Тем временем шоффер не дремал и раньше чем прохожий успел подскокить, он бешено мчался по извилистой дороге, рискуя свернуть себе голову. Страх научил его быть храбрым.

Таинственный прохожий продолжал идти, неся лишенного сознания налетчика. Он уходил прочь от города, огни которого мерцали далеко на горизонте.

В сумерках вечера неясным пятном маячила сбоку дороги какая то афиша на столбе. Будь это днем, можно было бы увидеть ярко разрисованный плакат и объявление о предстоящем в этот вечер цирковом представлении: борьба льва, неукротенного и неукротимого Цезаря, царя джунглей, с бесстрашным белым охотником.

Прохожий остановился перед афишой и бессмысленно впери в нее взгляд. Что мог он прочитать в ночной темноте? Однако, он как будто понял и, повернувшись в противоположную сторону, решительно двинулся к городу. Невдалеке от дороги ему попался на глаза стог сена. Прохожий подпрыгнул и на лету швырнул в сено свою все еще безжизненную ношу.

В шуме, который стоял над цирком, было что-то не совсем обычное. Потом наступила зловещая тишина. Раздались резкие окрики, встревоженные голоса...

Лев стоял у выхода из палатки. Гигант нервничал и бил хвостом. Он еще никогда не вкушал свободы и, как родившийся в неволе, был вдвое опаснее.

Лев издал рев, нацеливаясь прыгнуть в толпу людей, стоявших на дороге к его свободе. Хаос ужаса объял толпу. Женщины падали в обморок, началась давка среди теснившихся к выходу.

С противоположной стороны донесся звук, от которого все замерло. Он начался с низких, быстро повышавшихся нот. Он был ужасен. От него кровь свернулась и застыла в жилах. Лев остался на месте.

Даже этот молодой гигант поддался действию страшного звука. Но недаром его звали царем зверей. Он поднял великолепную голову и грозным ревом откликнулся на вызов.

Человек среднего роста, но необыкновенно широкоплечий, спокойно вышел на освещенную арену. Он шел прямо ко льву. Никакого оружия у него не было. Безумец!

Лев прыгнул, изловчился на лету и нанес человеку быстрый удар в грудь, сорвав с него пальто. Поразительно, что человек остался жив после этого удара, который свалил бы и быка. С быстротой кошки лев повернулся, встал на задние лапы и наносил удар за ударом. Скоро вся одежда на человеке превратилась в клочья и только шляпа оставалась на месте, точно приклеенная к голове.

Человек, отталкивая льва и отбиваясь от него, сделал прыжок назад. Хотя вся матерчатая одежда была с него сорвана, но на нем еще оставалась отливавшая синевой стальная кольчуга. В тех местах, где прошли львиные когти, кольчуга блестела, как полированная сталь.

Лев еще раз приготовился прыгнуть на отскочившего от него человека, но тот уже перешел от обороны к нападению и наносил льву удар за ударом по голове. Лев хотел укусить руку, но промахнулся. Тогда зверь кинулся на своего мучителя: человек шагнул навстречу и нанес ему могучий удар, от которого лев перевернулся. Он озлобленно зарычал, присел на задние лапы и ожидал.

Пригнув голову, человек устремился в эти гибельные объятия. Сила столкновения опрокинула льва на спину; человек оказался на нем. Зверь отбивался передними лапами, изгибался в дугу, извивался, но его когти не могли проникнуть сквозь кольчугу.

Человек вырвался и ударил льва сбоку сначала правой рукой, потом левой. Лев метнул лапой и оставил серебристую полосу на стальной груди противника.

Игра эта наскучила человеку: он отошел в сторону, потом присел и прыгнул. Вверх, вверх, на десять, двадцать, тридцать, сорок футов! и полетел книзу прямо на спину зверя. Лев, следивший за ним глазами, успел увернуться, но человек отскочил от земли как мячик и оседлал зверя. Лев приник к земле под его тяжестью.

Одна рука схватила верхнюю челюсть животного, другая вцепилась в нижнюю. Зверь взвизгнул и сделал последнее усилие, чтобы встать на ноги. Он почувствовал свой конец.

Руки принялись беспощадно раздирать красную слюнящуюся пасть. Потом победитель дернул верхнюю челюсть с такой нечеловеческой силой, что сломал шейные позвонки животного.

Толпа встретила эту развязку взрывом шумного восторга. Человек встал. Его шляпа свалилась во время последнего эпизода борьбы.

Взвалив себе на плечи львиную тушу, это существо перепрыгнуло через скучившиеся возле цирка автомобили и исчезло во мраке...

Широкая река пересекала ему дорогу. Без малейшего колебания странный путник погрузился в воду.

Час спустя он вылез на противоположном берегу, отряхнулся от тины и ила, бросил звериную тушу на землю и с необычайной скоростью, преодолевая прыжками все препятствия, побежал вдоль песчаного берега. Вот он свернул в сторону и устремился к поселку.

Старенький, ржавый, забрызганный грязью грузовичек с громким дребезжаньем медленно ехал по дороге. Фермер, управлявший рулем, боязливо оглядывался назад. Кто-то догонял его. Две светящиеся точки сверкали вдалеке, как фонари автомобиля.

Что-то загрохотало среди молочных бидонов на платформе грузовика. Запах пролившейся жидкости щекотал ноздри фермера запретным запахом алкоголя. Хо

замедлился и хотя мотор продолжал работать, грузовик остановился, заняв наклонное положение, так как задний его конец отделился от земли.

Ехавший на грузовике выключил мотор, сошел с своего места, чтобы выяснить причину остановки, но достаточно было ему кинуть назад один взгляд, и он с безумным криком обратился в бегство.

А существо, вызвавшее остановку, схватило грузовичек с запретным товаром, подняло его на вытянутой руке над головой и, пробежав так несколько шагов, бросило свою ношу в густую листву дерева, где автомобиль повис на сучьях. Потом загадочное существо со сказочной быстротой пустилось в обратную сторону.

Около двух часов пополуночи таинственный герой всех этих приключений подошел к трехэтажному каменному зданию, стоявшему на невысоком холме. На западе, сквозь разорванные тучи выглянула луна. Он посмотрел на нее, простер к ней руки, как бы желая заключить ее в свои объятия, и медленно подошел к двери, запертой большим висячим замком. Легким нажатием ладони он сорвал дверь с петель, оглянулся, махнул рукой как бы на прощанье и вошел.

Через несколько минут раздался грохот, потрясший окрестность на несколько миль. Из верхушки трехэтажного здания вылетел снаряд, из основания которого вырывалось перемежающееся пламя...

(Окончание в след. номере).

Лунный курьер.

Научно-фантастический рассказ. (Пер. с англ.). Дж. Шлосселя.

(Окончание).

—Итак, друг мой, прошлым вечером и ночью я испытал своего курьера, чтобы узнать насколько он способен выполнить возложенное на него поручение. Теперь он несется к луне внутри межпланетного снаряда, приводимого в движение по принципу ракеты. Он должен был облететь один раз вокруг Земли в верхних слоях нашей атмосферы, и только после этого он достиг скорости в 12 км в секунду. Освободившись от влияния земного притяжения и войдя в сферу притяжения Луны, снаряд автоматически перевернется и будет падать с возрастающей скоростью на наш спутник. Для уменьшения этой страшной скорости и для обеспечения плавной посадки на лунную поверхность мне придется употребить систему противодействующих ракет.

— Сколько времени нужно этому снаряду, чтобы покрыть расстояние от Земли до Луны?—спросил я.

— Не больше шестнадцати часов. Сегодня около шести часов вечера надо ожидать посадки.

Я только теперь, как следует, рассмотрел аппарат, перед которым сидел Эмиль. Продолговатый металлический ящик с матовым стеклянным экраном в передней стенке занимал центральное место. Три ряда рычажков, расположенных на подобие клавиатуры пишущей машины, находились против экрана. По обе стороны клавиатуры виднелись какие-то кнопки и рубильники. На крышке продолговатого ящика был целый ряд циферблатов с указателями, которые все стояли пока на нуле.

— Не вздыхай, друг,—сказал Эмиль, взявшись за наушники и раскачивая их в воздухе,—я сейчас должен посвятить все свое внимание снаряду.

Он надел наушники и дотронулся до некоторых рычажков. Стрелка на крышке ящика начала двигаться.

— Будь добр, дружище, закрой ставни и спусти шторы: надо устранить весь посторонний свет.

Я исполнил его просьбу, и в комнате воцарился мрак. Просвечивание экрана позволило мне найти место, где сидел Эмиль. Я начал всматриваться в матовое стекло. Смутные контуры прояснились, и я увидел перед собою машинное отделение. Батарея двигателей сообщала плавное движение динамо-машинам и иным установкам. В середине был узкий, огороженный железными перилами проход, в конце которого виднелась сверкающая контрольными огнями коммутаторная доска. Над шеренгой рубильников с эбонитовыми рукоятками был окуляр телескопа. Стены помещения, цилиндрического по форме, состояли из тяжелых металлических щитов, соединенных заклепками.

Вдруг коммутаторная доска начала приближаться. На мгновение по перилам скользнула чья-то рука. Окуляр телескопа увеличился, занял всю площадь экрана, я увидел перед собою Луну. Она казалась очень близкой и шероховатой. С полчаса я смотрел на нее, не отрываясь; она не увеличивалась. Тут я вспомнил, что снаряд совершит свою посадку не раньше вечера. Оставалось часов семь или восемь. Я дотронулся до плеча Эмиля.

— Эмиль, я пойду проведать соседей. К шести вернусь.

И я тихо вышел.

Около половины шестого я опять был у своего приятеля. Он продолжал сидеть против экрана и перебирал пальцами клавиатуру, регулировавшую движения курьева.

— Это ты, друг? Всего на несколько минут опоздал, а то увидел бы посадку снаряда. Все обошлось благополучно. Мой курьер только что вышел из снаряда и стоит теперь на том месте, которое в самые сильные телескопы мира представляется совершенной равниной. Подойди сюда и посмотри, какова эта „равнина“.

На экране я увидел картину до ужаса безотрадную. В неровностях и резких изломах рельефа лунной поверхности была такая безжизненность, какую нельзя встретить ни в одной пустыне земли. Непрерывная цепь гор окружала котловину. „Курьер“ повернул голову, и на экране появился снаряд, на котором он прилетел. Этот межпланетный корабль походил на выброшенную на берег подводную лодку.

— Теперь я пошлю его на разведку,—сказал Эмиль.—Но в этом надо соблюдать величайшую осмотрительность. Так как сила притяжения уменьшилась в шесть раз против земной, то мой курьер может передвигаться в шесть раз быстрее и прыгать в шесть раз выше. Сейчас я заставлю прыгнуть его для ориентировки.

Почва вдруг опустилась книзу. Мы увидели ее с высоты. Путешествовать по такой поверхности можно было только огромными прыжками, в роде тех, которые были под силу одному лишь стальному „курьеру“. Вдали виднелись огромные расселины. Над зубчатым горизонтом гор простиралось совершенно черное небо, усеянное ярко горевшими звездами. „Курьер“ на лету сделал поворот, и на мгновение экран залило ослепительным светом солнца.

Почва приближалась к нам по мере того, как „курьер“ спускался вниз; потом она помчалась мимо нас с головокружительной быстротой. Уверенно, как кошка „курьер“ перепрыгивал со скалы на скалу. Чем ближе к горам, тем больше было неровностей и утесов. Внезапно показалась трещина, которую мы только что видели сверху во время прыжка. Скорость движения была уменьшена—требовалась осторожность. Глаза „курьера“ заглянули в пропасть, которая казалась бездонной. Далеко внизу как будто клубился пар. Стены расселины падали совершенно отвесно. Глубина ее должна была доходить до нескольких миль, и шла она через всю котловину от одной горной вершины до другой. В самом широком месте она не могла быть шире ста футов, и курьер, отступив шаг назад, чтобы удобнее было толкнуться, без труда перепрыгнул через нее.

Несколько дальше показалась вторая расселина, значительно более широкая, так что ее нельзя было преодолеть одним прыжком. Опять „курьер“ подкрался краю и заглянул вниз. Стены этой трещины сходились книзу и были так же сеяны выступами и изломами, как лунная поверхность. Она оказалась не очень глубока и скорей походила на долину, чем на ущелье. В противоположной стене, почти у самого дна зияла черным неправильным кругом какая-то дыра.

„Курьер“ осторожно спрыгнул на ближайший выступ и начал спускаться по направлению к пещере. Добравшись до входа, он заглянул внутрь. Ничего, кроме мрака. Курьер сделал что-то у себя на груди, и сноп света ярким кружком отразился на задней стене пещеры. Кружок передвигался вдоль стены, пока не надвинулся на небольшое отверстие, наполовину загроможденное унавшим когда-то со свода пещеры осколком камня.

„Курьер“ приблизился к отверстию и юркнул в узкую нору, уходящую куда-то вниз. Он стал пробираться дальше, освещая себе дорогу. Нора шла извилинами и вскоре расширилась до размеров просторной пещеры, в которой можно было бы поставить рядом с полдюжины автомобилей. Другие пещеры ответвлялись от нее и все они также вели книзу. Казалось, путешествие это длилось часами. Стены лабиринта блестели от какой-то влаги. Туман начал наполнять галерею и сделался еще гуще, когда она раздвинулась, образовав огромный грот.

В этом гроте было какое-то подобие атмосферы, достаточно густой, чтобы поддерживать клубы тяжелого пара, плывшего под его сводами. Грот дальше суживался и затем возобновился еще более крутой спуск. На блестящих, как бы покрытых бесцветной испариной стенах начали образовываться капли, сбегавшие вниз на мокрое и скользкое дно коридора. Атмосфера становилась заметно более густой и влажной. Под ногами вскоре образовался ручеек, который быстро увеличивался и при дальнейшем спуске превратился в быстрый, покрытый пеной поток. Питаемый множеством притоков из других пещер, отверстия которых выходили в эту галерею, поток достиг такой бешеной силы, что чуть не сбивал „курьера“ с ног.

Галерея снова расширилась и волнам стало больше простора. Какие-то шарообразные бугорки, одаренные слабой способностью светиться, начали чаще и чаще попадаться на блестящих стенах. Они были всевозможных размеров, когда „курьер“ выключал свой свет, стены и воды мчащегося потока были видны при их сиянии.

„Курьер“ уже успел спуститься на много миль внутрь луны. Теперь он шел по потоку, бурно катившего свои волны по каменистому руслу. Развернулся

необъятный грот. Тысячи пещер выходили сюда своими отверстиями. Стены и своды были усеяны светящимися отростками, имевшими форму грибов; при их свете можно было различить каждую трещину почвы или боков грота.

Вдруг какой-то светящийся предмет мелькнул над головой „курьера“ и описав в воздухе несколько кругов. К нему присоединились несколько других таких же и, покружившись, исчезли.

До сих пор это были первые признаки одушевленной жизни на Луне. Повидимому, огромный грот был самым верхним местом, на котором могла существовать жизнь, присущая внутренности Луны. Можно было видеть и другие формы, червеобразные, тоже светящиеся, которые ползали по стенам среди грибообразных наростов. Черное существо вышиной со слона, но вдвое длиннее, показалось у входа в одну из пещер, повернулось и скрылось неуклюже переваливаясь с боку на бок. У него было много ног, как у сороконожки. Из боковой пещеры выбежали еще какие-то странные существа и промчались в нескольких футах от „курьера“. Шествие их замыкалось тем неуклюжим многоногим животным, только теперь на его спине восседало какое-то чрезвычайно странное создание. Все они скрылись в одной из пещер.

„Курьер“ последовал за ними. Пещера привела в другой еще более обширный грот с скалистыми стенами и терявшимися в клубах тумана сводами. Множество темных отверстий можно было видеть высоко в стенах грота. Существа, устремившиеся сюда, очевидно спаслись через эти бесчисленные лазейки.

„Курьер“ настойчиво продвигался вперед вдоль стены грота. Вдруг что-то грохнулось в нескольких шагах впереди и разбилось на сотни кусков. Это был кусок скалы. Вслед за этой глыбой последовала вторая, третья. Посмотрев вверх, „курьер“ увидел в вышине уступ скалы, на котором копошились существа, спихивавшие новый камень. Он уже летел прямо в голову „курьера“. Он хотел отскочить в сторону, камень был всего в нескольких футах... Вдруг водворился мрак. Экран почернел.

Я слышал, как Эмиль перебирал клавиши. Но на экране не появлялось ни малейшего проблеска света.

— Друг! — воскликнул Эмиль: — каменная глыба, которую спихнули эти существа, пробила голову моему курьеру!

Я протянул руку и включил свет. Эмиль сидел ошеломленный. Я положил руку ему на плечо.

— Мужайся, Эмиль, — пробормотал я: — ты построишь другого.

— Оставь меня одного, — прошептал он умоляюще.

Уходя я слышал, как он бранил себя за то, что не поместил контролирующего аппарата в менее уязвимом месте.